

Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии:
по материалам международной конференции «Диалог 2016»

Москва, 1–4 июня 2016

НОВЫЕ ИНТОНАЦИОННЫЕ КОНСТРУКЦИИ РУССКОГО ЯЗЫКА: РАЗРАБОТКА ТРАНСКРИПЦИИ¹

Янко Т. Е. (tanya_yanko@list.ru)

Институт языкознания РАН, Москва, Россия

Задача работы — ввести в научный оборот две интонационные конструкции русского языка, не зафиксированные в русистике, и предложить для них нотацию. Первая конструкция обнаруживается в одном из региональных вариантов русского языка. Это подъем частоты на ударном слоге словоформы-носителя плюс продолжающийся подъем на заударных слогах. Вторая конструкция принадлежит русской разговорной речи. Рабочий массив записей фиксирует достаточно высокую частотность этой конструкции. Конструкция представляет собой падение в существенном диапазоне частот и в увеличенном временном промежутке плюс слабый подъем или вибрирующее изменение частот на заударных слогах или на второй части ударного слога при отсутствии заударных. Рассматриваются фонетические признаки конструкций, их фонологический статус и возможности использования системы просодической автосегментной транскрипции Дж. Пьерхамберт для их описания. Для анализа создан просодически размеченный рабочий массив записей устной речи. Работа иллюстрирована графиками изменения частоты основного тона, полученными с помощью системы анализа устной речи Praat.

Ключевые слова: интонация, интонационные конструкции, конструкции, не зафиксированные в описаниях, просодическая нотация, автосегментная транскрипция, русский язык, наддиалектный русский, одесский региональный вариант русского языка, звучащая речь, Praat

---

¹ Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (РНФ), проект №14-28-00130.

PROSODIC TRANSCRIPTION FOR THE NEW RUSSIAN PROSODIC CONSTRUCTIONS

Yanko T. E. (tanya_yanko@list.ru)

Institute of Linguistics, Moscow, Russia

This paper is aimed at investigating two Russian pitch accents never discussed in the Russian linguistics. These are: the gradual rise found in one of the Russian regional variants, namely in Odessa Russian, and the prosody of breaking information into portions in standard literary spoken Russian. The gradual rise has a rising tone on the tonic syllable and gradually rising frequency changing on the post-tonic syllables. The prosody of breaking information into portions has a falling tonic syllable and slightly rising post-tonics. It also has a prolonged time of articulation. The tonal and temporal parameters of the pitch accents in consideration, their functions in discourse, and their phonological status are discussed. The criterion for the pitch accent to be viewed as an autonomous phonological unit of a language is whether the pitch accent has permanent means of expression and a stable function, or a limited set of functions in discourse. For describing the newly introduced pitch accents, the transcription based on the Pierrehumbert's autosegmental notation of prosody was used. For investigation, a minor working corpus of the Russian speech recordings was set up. It comprises two components. The first component of the corpus consists of short stories about Odessa told by the citizens, jokes, and funny stories. The second component includes recordings of friendly talks and radio conversational programs in standard Russian. The software program Praat was used in the process of analyzing the sounding data. The results presented here are exemplified by frequency tracings of records taken from the corpus.

Key-words: pitch accents, prosody, autosegmental transcription, Praat, frequency tracings, spoken language, standard Russian, Odessa regional variant of spoken Russian, newly introduced pitch accents

Данная работа преследует две цели. Одна из целей — ввести в научный оборот интонационную конструкцию русского литературного языка, не зафиксированную в русистике ранее. Обсуждение этой конструкции и ее документирование ставят перед нами вторую, более общую, цель — определения фонологического статуса интонационных конструкций, не зафиксированных в известных описаниях просодии тех языков, в которых они обнаруживаются, и разработки нотации для их документирования. Для иллюстрации этой проблемы будет рассмотрена еще одна конструкция, также не имевшая ранее точной атрибуции. Эта конструкция обнаруживается не в стандартном наддиалектном русском, а в одесском региональном варианте русского языка. С нее мы начнем обсуждение проблемы нотации для описания просодии. Таким образом, в разделе 1 ниже рассматривается не описанная ранее конструкция одесского регионального варианта русского языка, в разделе 2 — просодическая конструкция

наддиалектного русского. Конструкцию одесского регионального варианта мы условно называем градуальным подъемом, потому что ее характеризует повышение частоты на ударном слоге словоформы-носителя конструкции плюс, при наличии заударных слогов, дальнейшее повышение частоты на первом заударном слоге, начиная от того уровня, который был достигнут в результате подъема на ударном слоге. На втором заударном слоге, если таковой имеется, частота также повышается, опять же начиная с того уровня, который был достигнут в результате подъема на первом заударном. Ср. изменение частоты основного тона, фиксирующееся на словоформе *продукция* в примере (1), рис. 1.

(1) *Естественно, не всегда распространялась полностью ПРОДУКЦИЯ...*

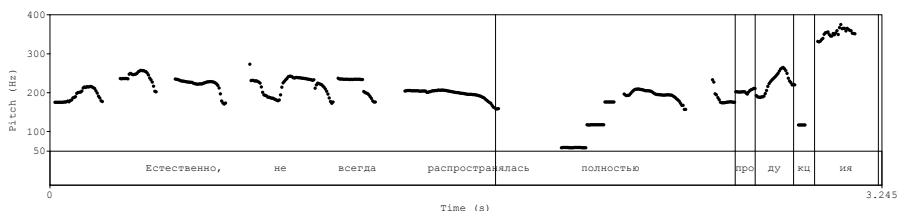

Рис. 1. Тоннограмма примера (1)

Конструкцию из наддиалектного русского мы называем по ее функции: просодией эмфатического членения текста на отдельные кванты информации. Конструкцию иллюстрирует пример (2). Искомая просодическая конструкция фиксируется на словоформах *лет*, *тома*, *прецеденты* и *объяснения*. Конструкция характеризуется рельефным падением частоты основного тона на ударном слоге словоформы-носителя плюс подъем в небольшом диапазоне частот на заударных слогах, если они есть, или вибрация частоты на заударных, ср. движение тона на словоформах *прецеденты* и *объяснения* в примере (2). Если заударные слоги отсутствуют, финальное движение тона фиксируется на конечном фрагменте ударного слога, ср. в примере (2) движение тона на словоформах *лет* и *тома*.

(2) *Это много ЛЕТ, это исписаны ТОМА, это найдены ПРЕЦЕДЕНТЫ, это ОБЪЯСНЕНИЯ.*

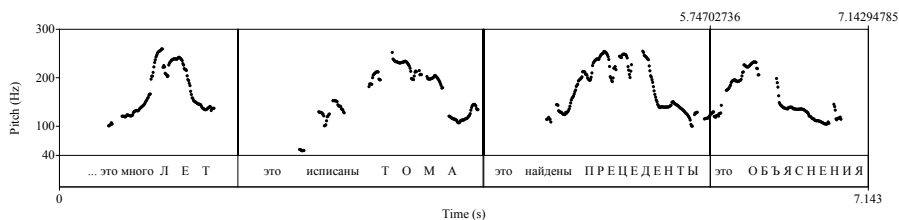

Рис. 2. Тоннограмма примера (2)

При разработке нотации для этих конструкций встают следующие вопросы. Зафиксированы ли эти конструкции в просодии других языков и, если да, то какой фонологический статус они имеют в этих языках: служат ли они в этих языках отдельными просодическими единицами или играют роль вариантов для других просодий? Какие из существующих в интонологии просодических нотаций способны отразить отличительные признаки исследуемых акцентов?

По нашему мнению, градуальный подъем представлен в различных языках, и в качестве материала для сравнения с русскими региональными данными мы используем ниже немецкий пример и описание градуального подъема в соответствующей литературе.

В качестве основного критерия, определяющего фонологический статус конструкции, мы используем способность конструкции иметь особую дискурсивную функцию/ограниченный набор дискурсивных функций, отличных от функций других просодических единиц в системе.

Что же касается способов описания новых акцентов, вводимых в научный оборот, в связи с этим ниже потребуется обсуждение некоторых признаков, характеризующих интонационные конструкции. Так, при разработке нотации для нового акцента, наблюдаемого в наддиалектном русском, возникает необходимость фиксации особого параметра интонационных конструкций, состоящего в сохранении/потере вектора частоты, в общем случае приходящегося на заударные слоги, в применении к ситуации, когда заударные слоги отсутствуют. Это может быть усечение вектора частоты по принципу «отсутствуют заударные, отсутствует и соответствующее им движение тона» (как это происходит, например, в отсутствие заударных при реализации русского акцента типа ИК-3, по Е. А. Брызгуновой) или, наоборот, компрессия движения тона, при которой вектор движения на заударных не пропадает при их отсутствии, а сдвигается целиком «влево» — на вторую половину ударного слога (как это происходит при реализации русского акцента ИК-4). Проблема отражения в нотации способа наложения тональной кривой на сегментный материал с учетом ударности несущих слогов на примере различных акцентов русского и английского языков обсуждается в разделе 2 при разработке нотации для нового акцента наддиалектного русского языка.

Для анализа просодий был разработан малый исследовательский массив просодически размеченной звучащей речи. Массив состоит из двух основных компонентов. Первый компонент — рассказы одесситов о городе, одесские анекдоты, случаи из жизни, кулинарные рецепты. Второй компонент — это записи т. н. разговорных радиопередач и дружеских бесед, отражающих речь москвичей и жителей Санкт-Петербурга.

Кривые частоты основного тона получены с помощью системы анализа устной речи Praat.

1. Градуальный подъем

Анализ градуального подъема начнем с немецкого примера (3) из работы [Палько 2008]. В немецком языке градуальный подъем — это зафиксированный в описаниях акцент, он имеет определенные дискурсивные функции и, таким образом, его можно считать отдельной фонологической просодической единицей и использовать в качестве образца для анализа.

- (3) *Ich war in FRANKREICH. Dann war ich einen Monat in CHINA, mit einer FREUNDIN. Und dort haben wir ihre Eltern besucht, also, sie ist direkt aus CHINA.*

‘Я была во Франции. Потом я была один месяц в Китае, с одной подружкой. А там мы посетили ее родителей, ведь она из Китая.’

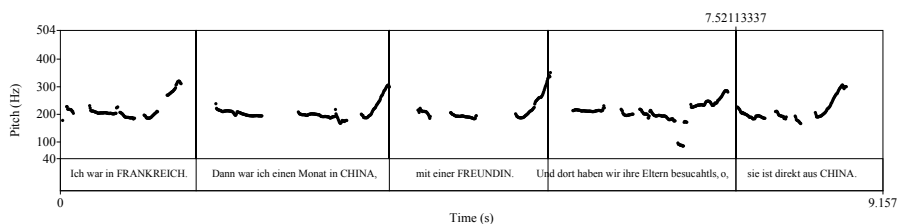

Рис. 3. Тоннограмма примера (3)

В примере (3) мы наблюдаем подъем на ударном слове словоформы *Frankreich* плюс дальнейший подъем на заударном слове. Аналогичный контур фиксируется на словоформах *China*, *Freundin* и второй встречаемости словоформы *China*, носителях акцента незавершенности в клаузах, составляющих рассказ о поездках студентки во время каникул. Пример (3) иллюстрирует не простую незавершенность, а специализированную дискурсивную стратегию т.н. «рассказа по порядку» [Янко 2008: 203–206]. Рассказ по порядку предполагает, что повествование выстроено говорящим в определенной последовательности. В отличие от неупорядоченного повествования, которое строится из неконечных шагов, в рассказе по порядку не только текущий шаг, но и шаг, следующий за текущим (кроме последнего и предпоследнего), понимаются как неконечные. Иначе говоря, повествование выстроено в цепочку, состоящую — при последовательном применении стратегии рассказа по порядку — из более чем четырех шагов: первый шаг акцентируется как неконечный с указанием на то, что шаг, следующий за ним, будет тоже неконечный (в этом сущность просодии, маркирующей не пару, а цепь звеньев), аналогично акцентируются и следующие шаги повествования вплоть до предпоследнего шага. Предпоследний шаг имеет — в идеале — просодию предпоследнего звена в цепочке, а последний — просодию конца. В режиме рассказа по порядку, как правило, излагаются истории об экскурсиях с выстроенным в строгую последовательность порядком мероприятий (пример (3)), планы и расписания, презентации кулинарных рецептов и других технологий,

предусматривающих выверенную последовательность шагов. Избрав стратегию рассказа по порядку, говорящий может говорить в соответствующем режиме не только о сущностях или событиях, упорядоченных во времени, в пространстве или в соответствии с внутренней логикой процесса, но и о любых незаконченных этапах повествования, просто делая вид, что этапы следуют один за другим: в таком случае как упорядоченный может представлять не ход жизни, а только ход повествования. В русской интонационной системе функцию рассказа по порядку берет на себя акцент типа ИК-4, по Е. А. Брызгуновой [Русская грамматика 1982: 114] (падение на ударном слоге плюс подъем на заударных, если они есть; если заударные отсутствуют, восходящее движение тона фиксируется на конечном фрагменте ударного слога); о функциях ИК-4 дополнительно см. [Янко 2008: 209–218].

В одесском региональном варианте градуальный подъем, несмотря на достаточно частую встречаемость, в отличие от немецкого языка устойчивой дискурсивной функции не имеет. Обратимся к примеру (4) из «одесского» русского, так же, как и пример (3), повествующему о поездке в отпуск.

- (4) *Мы покупаем билет до ХЕРСОНА, внутри доплачиваем ВОДИТЕЛЮ, нас везут до ГРАНИЦЫ, а там мы пешком переходим границу. Ну, у меня все спрашивают, потому что многие мои ДРУЗЬЯ — я очень многих людей знаю в ОДЕССЕ...*

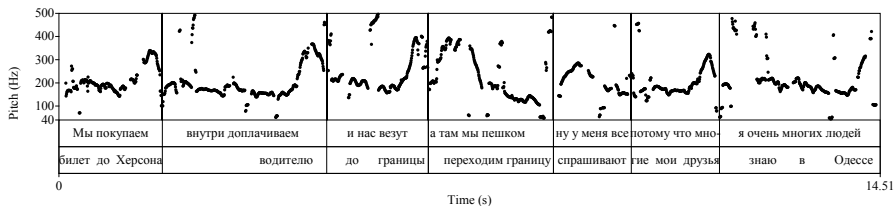

Рис. 4. Тонограмма примера (4)

В примере (4) градуальный подъем наблюдается только на словоформе *Одессе*. Анализ этого и других примеров из одесского регионального варианта говорит о том, что градуальный подъем имеет здесь ту же функцию, что и восходяще-нисходящий акцент типа ИК-3, по Е. А. Брызгуновой, который широко представлен в одесском региональном варианте русского языка. Так, на словоформах *Херсона*, *водителю*, *границы* и *друзья* фиксируется акцент типа ИК-3 с подъемом на ударном слоге словоформы-носителя плюс падение до среднего уровня на заударных слогах, где они есть. Таким образом, в примере (4) и во многих других градуальный подъем попадает в один ряд с показателями незавершенности типа ИК-3. Это дает основания полагать, что словоформа *Одессе* в примере (4) несет на себе фонетический вариант ИК-3. В вопросе (5) из одесского русского также наблюдается градуальный подъем на словоформе *года*.

- (5) *Самый короткий анекдот семьдесят второго ГОДА?*

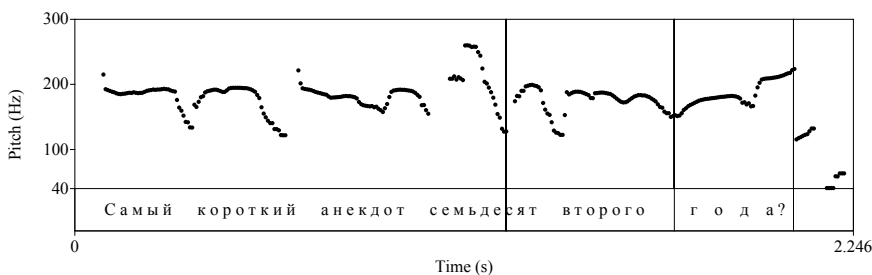

Рис. 5. Тонограмма примера (5)

Однако *да-нет*-вопросы с падением на заударных (т.е. типа ИК-3) в одесском региональном варианте также представлены, и гораздо более широко, чем вопросы с градуальным подъемом. Это опять же говорит о том, что в одесском региональном варианте русского языка градуальный подъем — не отдельная просодическая единица, а свободный вариант акцента типа ИК-3.

Перейдем к проблеме нотации градуального подъема. Для немецкого градуального подъема в рамках автосегментной модели Дж. Пьерхамберт (см. [Pierrehumbert 1980]) предложена следующая транскрипция [Grice, Baumann, Benzmüller 2005]:

$$\boxed{LH^*H-\hat{H}\%},$$

где буквы L и H обозначают низкий (L — low) и высокий (H — high) уровень частот основного тона, соответственно, пара LH обозначает восходящее движение тона, звездочка (*) — ударный слог, дефис (-) — безударный, в данном случае — заударный, слог. Знак процента (%) — конец конструкции, крышечка (^) — специальный знак, говорящий о том, что конец конструкции достигает частот, расположенных выше уровня, достигнутого в результате подъема на ударном слоге.

В работе [Gussenhoven 2005: 132] о голландском градуальном подъеме говорится, что, поскольку в голландском градуальный подъем так же, как, видимо, и в одесском, не имеет фонологического статуса, более высокие значения частот в финале заударных слогов, чем в начале, не имеет смысла отмечать в нотации: и начальный, и конечный уровень заударных помечаются просто как высокие: LHN%. См. также [Gussenhoven 2014]. Такое решение, во всяком случае для анализируемого одесского варианта русского языка, представляется нам неадекватным: независимо от фонологического статуса конструкции, при ее транскрибировании должно сохраняться ее отличие от акцента типа ИК-6, по Е. А. Брызгуновой, который имеет иные по сравнению с градуальным подъемом функции и тонально-темпоральную природу: у ИК-6 заударные сохраняются на высоком ровном или слабонисходящем (в силу естественного деклинационного спада) уровне, который практически не меняется от начала к концу заударных. Если бы в «одесском языке» акцент типа ИК-6 с высокими, но ровными заударными отсутствовал бы, картина поведения заударных

внутри градуального подъема могла бы в транскрипции не детализироваться. Между тем акцент типа ИК-6 в одесском варианте есть, и, следовательно, нотация, не различающая тип заударных, для этого языка не подходит.

Что касается немецкого языка, в связи с которым была разработана нотация градуального подъема в виде $LH^*H-\hat{H}\%$ (ср. также близкую по нотации модель $L^*H-\hat{H}\%$), то в немецком градуальный подъем явно имеет фонологический статус. Автосегментная модель немецкой просодии разработана авторами М. Грайсом, С. Бауманном и Р. Бенцмюллером, представлена на сайте http://www.gtobi.uni-koeln.de/gm_tonale_repraesentation.html и в работах [Grice, Baumann, Benz Müller 2002], [Grice, Baumann 2005; 2007]. Авторы связывают функцию градуального подъема с формированием вопросов (*да-нет*-вопросов, переспросов и альтернативных вопросов). В соответствии же с нашими наблюдениями немецкий градуальный подъем, кроме вопроса, имеет также функцию рассказа по порядку, см. пример (3). Итак, поскольку у немецкого градуального подъема есть устойчивые дискурсивные функции, градуальному подъему здесь следует приписать статус автономного элемента просодической системы.

В применении к градуальному подъему, который наблюдается в одесском региональном варианте русского языка (примеры (1), (4) и (5)), мы предлагаем также использовать нотацию $LH^*H-\hat{H}\%$, разработанную в немецкой интонологии, имея, между тем, в виду, что в одесском региональном варианте эта модель не представляет собой отдельной единицы и служит просодическим вариантом акцента типа ИК-3, формирующего контексты дискурсивной незавершенности и *да-нет*-вопросы.

2. Просодия эмфатического членения текста на отдельные кванты информации

Обратимся к конструкции литературного русского, проиллюстрированной выше примером (2). Эта конструкция позволяет говорящему достаточно независимо от синтаксической структуры членить предложения на фрагменты, каждый из которых соответствует отдельной позиции в аргументации говорящего. Применение конструкции характеризуется ее повтором, что формирует целый ряд последовательных компонентов текста. В примере (6) интересующая нас модель фиксируется на словоформах *семья, ребенок и люди*:

- (6) *Молодая СЕМЬЯ, там... трехлетний РЕБЕНОК, да? э-э-э, любящие молодые ЛЮДИ...*

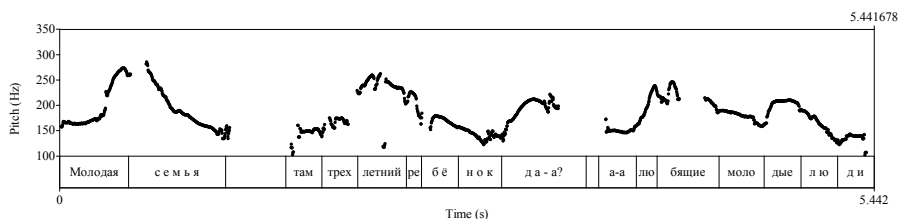

Рис. 6. Тоннограмма примера (6)

На словоформе *семья*, не имеющей заударных слогов, наблюдается нисходящее движение тона в существенном диапазоне частот в начале ударного слога и вибрирующее движение в финале слога плюс растяжение артикуляции, которое накладывается на всю конфигурацию изменения частот. На словоформах *ребенок* и *люди* ударный слог несет на себе рельефное падение тона, а на заударный слог приходится небольшой подъем. Материал примера (6) и примера (2) выше позволяет заключить, что перед нами модель, которая подвергается компрессии в отсутствие заударных, она имеет вибрирующее или восходящее движение во второй фазе артикуляции, независимо от того, занимает вторая фаза заударные слоги или финальную часть конечного ударного или единственного слога словоформы-акцентоносителя. Существенным признаком конструкции в целом служит удлинение артикуляции.

Интонационная модель, представленная примерами (2), (6) и примером (7) ниже, имеет известное фонетическое сходство с конструкциями, выделенными Е. А. Брызгуновой, а именно — с ИК-2, ИК-4 и ИК-5 ([Русская грамматика 1982: 98–115]), однако анализируемое здесь просодическое явление не сводимо в точности ни к одной из них. Нисходяще-восходящий аллофон рассматриваемой артикуляции — такой, как, например, на словоформах *ребенок* и *люди* в примере (6), имеет сходство с нисходяще-восходящим и также компрессируемым (в отсутствие заударных) акцентом ИК-4. Различие состоит в том, что анализируемый здесь акцент, во-первых, необязательно имеет отчетливо восходящую финальную часть, во-вторых, он имеет более крутое падение в начальной фазе (в случае с ИК-4 первая фаза может быть даже ровной низкой). В-третьих, рассматриваемая здесь конструкция имеет более длительное относительное время звучания (об ИК-4 см. [Русская грамматика 1982: 114–115]).

Имеется у анализируемой конструкции и общая черта с ИК-2. Это рельефное падение в начале ударного слога. Однако ИК-2 не имеет обязательной склонности к растяжению и финальному подъему частоты: в случае с ИК-2 заударный (если таковой имеется) финал конструкции произносится на низком уровне, а финал ударной части (если заударных нет) не отличается изменением частоты, как это происходит в рассматриваемой конструкции, имеющей по существу двухчастный характер. Таким образом, сходство с ИК-2 сводится к рельефному падению в центральной части артикуляции у обеих конструкций, между тем завершающая фаза у двух акцентов — различная.

Сравнительный анализ рассматриваемого здесь акцента и интонационной конструкции ИК-5 говорит о том, что заключительному падению в обоих случаях предшествует подъем тона, за которым следуют относительно ровные заударные вплоть до финального падения, однако между ними имеется отличие, которое состоит в следующем. В случае с ИК-5 конструкция имеет отчетливый двуцентровый характер, ср. ИК-5 в конструкциях с *какой* (*Какая гадость!* с подъемом на *какая* и падением на *гадость*). В обсуждаемой же здесь конструкции начальный подъем может рассматриваться как фонологически не значимый: он только обеспечивает достаточный уровень высоты, после достижения которого говорящий способен реализовать финальное падение в существенном диапазоне частот. Кроме того, конструкции ИК-5 не свойствен характерный для обсуждаемой конструкции восходяще-вибрирующий и растянутый заударный конец.

Таким образом, перед нами конструкция, в русистике, насколько нам известно, не зафиксированная. Этот факт может объясняться не очень высокой частотностью использования этой конструкции. В принципе, у нас достаточно материала, и из неподготовленной речи, и особенно из радиопередач, чтобы утверждать, что в речи говорящих по-русски данный акцент, безусловно, есть, однако не все носители используют этот акцент достаточно активно, а некоторые — не используют его вообще. Подсчет частотности данной конструкции не входил в нашу задачу, прежде всего потому, что имеющегося материала было достаточно для того, чтобы объявить о существовании незадокументированной интонационной конструкции русского языка и сделать попытку ее анализа. Мы не исключаем, что наше внимание было привлечено распространением этой конструкции в т. н. разговорных передачах на радио, где говорящие стараются говорить настойчиво, акцентируя каждый аргумент особым акцентом повышенной эмфатичности и повторяя его в скандирующей манере. Анализ радиопередач говорит о том, что каждые час-полтора прослушивания дают в среднем одну-две серии употребления обсуждаемого акцента. В бытовой речи показатели частотности конструкции существенно ниже. В результате частотность рассматриваемой конструкции оказывается никак не меньше, чем общая частотность — при обращении к различным жанрам речи — частотности конструкции ИК-4 и неизмеримо выше, чем частотность ИК-7 (об ИК-7 см. [Русская грамматика 1982: 118–120]).

Дискурсивная функция анализируемого акцента состоит в подчеркнутом членении речи на фрагменты, соответствующие отдельным квантам информации: говорящий «дробит» речь, чтобы придать «мелким» квантам смысла автономное звучание. Так, в примере (7), отражающем неподготовленный фрагмент речи того же говорящего, от которого получен пример (2), значимая информация фактически отсутствует. Говорящий, выступающий в прямом эфире, не готов к ответу на вопрос радиослушателя, его речь звучит негладко, он смущен тем, что радиостанция, которую он представляет, потеряла в рейтинге, говорящий не знает, что ответить, он сбивается с мысли и по несколько раз повторяет одни и те же слова. Однако стратегия дробления речи на кванты сохраняется: говорящий привык использовать эту стратегию и способен ее воспроизвести, используя минимум значимого сегментного материала.

- (7) *Так вот, возвращаясь к рейтингам, тем не МЕНЕЕ, среди разговорных ПЕРЕДАЧ, в июле МЕСЯЦЕ, в июле месяце, среди разговорных ПЕРЕДАЧ, несмотря на то, что мы не восстановились, то есть мы к июлю прошлого восстановились, а вообще — не восстановились...*

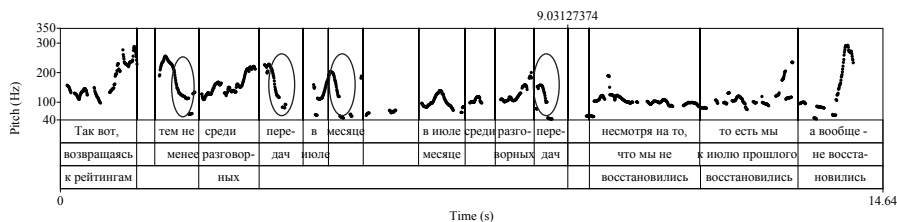

Рис. 7. Тонограмма примера (7)

Встает задача разработки нотации для рассматриваемой конструкции. Обратимся к нотации Дж. Пьерхамберт. В отличие от подхода Е. А. Брызгуновой, оперирующей цельными интонационными конфигурациями, которые имеют в русском языке фонологический статус, транскрипции американского диалекта и других языков, разработанные на основе нотации Пьерхамберт, имеют смешанный фонетико-фонологический статус и, в принципе, предусматривают презентацию не конструкции в целом, а отдельных компонентов кривой изменения частоты тона от высоких частот (H) к низким (L) и наоборот. Большинство нотаций могут содержать в записи параметры как фонетического, так и фонологического характера. Так, например, восходящий акцент типа ИК-3, по Е. А. Брызгуновой, получает нотацию LH^* или LH^*-L в зависимости от того, имеются ли у словоформы-носителя акцента заударные слоги. В русском языке при наличии заударных частота на заударных, если они есть, при артикуляции ИК-3 резко падает; если заударных нет, артикулируется только восходящий компонент акцента LH^* . Акценты, близкие по артикуляции к ИК-3, есть в большинстве языков, в частности, в английском, где, однако, снижение частоты на заударных отличается от русского меньшей крутизной падения. Возникает вопрос, как при данном типе записи отличить усекаемые акценты (ср. английский термин *truncation*), такие, как ИК-3, в которых движение тона на заударных при их отсутствии отбрасывается, от компрессируемых (ср. *compression*), таких, как ИК-4, в которых движение тона на заударных при их отсутствии смещается на финальную фазу ударного слога.

В описаниях английского языка для конструкции типа ИК-3 встречаются оба варианта записи LH^* и LH^*-L в зависимости от структуры сегментного материала [Cruttenden 1997: 60–61]. При этом запись LH^* служит в качестве прототипического представителя акцента, а LH^*-L — в качестве фонетической детализации ситуации, где имеются заударные слоги. Между тем, если принять в качестве фонологической записи вариант LH^* , акцент типа ИК-3 нельзя будет отличить от другого вида подъема с равными (или слабонисходящими) заударными типа ИК-6. Значит, ориентация на фонологическую запись с отсутствием заударных не позволяет различить как минимум два фонологически разных

акцента. Итак, однозначного результата и — одновременно — фонологической ориентации нотации можно добиться только при указании на то, усечению подвергается акцент в отсутствие заударных или компрессии. Это делает запись более громоздкой, но и более последовательной с точки зрения описания.

Для отражения параметров рассматриваемой здесь конструкции мы предлагаем следующую нотацию: $\left[\left(\left(\text{HL}^* - \text{jL}\% \right) : \right) \rightarrow \leftarrow \right]$. Фрагмент HL^* символизирует падение тона на ударном слоге акцентоносителя, $-\text{L}$ — низкий уровень заударного слога, перевернутый восклицательный знак j говорит о том, что заударный слог, хоть и находится на относительно низком уровне, тем не менее, расположен выше той точки, которая была достигнута в результате падения на ударном слоге. В данной точке транскрипционной записи оказываются исчерпанными все известные нам знаки, которые используются в просодических автосегментных нотациях, и мы вводим два дополнительных знака — двоеточие, которое обозначает пролонгированную артикуляцию, и две направленные друг к другу стрелки, которые говорят о том, что перед нами конструкция, подвергающаяся компрессии, т. е. что низкий тон на заударных, которые, между тем, находятся выше точки падения на ударном, смещается на финал ударного слога при отсутствии заударных. Скобки используются для ограничения области действия параметра. Поскольку в данной записи имеется указание на вариативность конструкции в зависимости от наличия заударных слогов в слове-носителе, такую нотацию следует рассматривать как фонологическую.

***

В работе рассмотрены две интонационные конструкции русского языка, не зафиксированные ранее в русской интонологии. Это градуальный подъем, который представлен в одном из региональных вариантов русского языка, и просодия эмфатического членения информации на кванты в литературном наддиалектном русском. Документирование не засвидетельствованных ранее акцентов представляет самостоятельный интерес, кроме этого, возникает отдельная проблема описания конструкций и выяснения их фонологического статуса. В качестве критерия для признания фонологического статуса конструкции в языке использовалось наличие у конструкции устойчивой дискурсивной функции или ограниченного набора функций, который не совпадает с набором функций других конструкций языка. В соответствии с этим критерием было показано, что градуальный подъем в одесском региональном варианте не имеет фонологического статуса и служит вариантом интонационной конструкции типа ИК-3, по Е. А. Брызгуновой. Что же касается конструкции наддиалектного русского, было выяснено, что она имеет устойчивый набор тонально-темпоральных параметров и дискурсивную функцию эмфатического членения речи на кванты, соответствующие элементам аргументации говорящего. Соответственно, ее следует признать отдельной фонологической единицей русской просодии. Для описания рассмотренных конструкций была предложена нотация, основанная на автосегментной просодической транскрипции Дж. Пьерхамберт.

Литература

1. *Брызгунова Е. А.* (1982) Интонация, Русская грамматика, том 1, Наука, Москва, сс. 103–118.
2. *Палько М. Л.* (2008) Интонация незавершенности текста в немецком языке в сопоставлении с русским, Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды международной конференции «Диалог-2008». — М.: РГГУ, 2008. — Вып. 7 (14). — С. 416–419, available at: <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2008/materials/html/65.htm>.
3. *Янко Т. Е.* (2008) Интонационные стратегии русской речи в сопоставительном аспекте, Языки славянских культур, Москва.
4. *Cruttenden A.* (1997) Intonation, Cambridge University Press.
5. *Grice M., Baumann S.* (2002) Deutsche Intonation und GToBI, Linguistische Berichte, 191. 267–298.
6. *Grice M., Baumann S., Benzmüller R.* (2005). German Intonation in Autosegmental-Metrical Phonology, Prosodic Typology: The Phonology of Intonation and Phrasing, Oxford University Press, available at: <http://www.coli.uni-saarland.de/publikationen/softcopies/Grice:19xx:GIA.pdf>.
7. *Grice, M., S. Baumann* (2007) An Introduction to Intonation — Functions and Models, Non-Native Prosody. Phonetic Description and Teaching Practice, Trouvain J., Gut U. (eds.), Berlin, New York, De Gruyter, pp. 25–51, available at: <http://www.gtobi.uni-koeln.de/lit/grice-baumann-int-func-models-revised-1107.pdf>.
8. *Gussenhoven C.* (2005) Transcription of Dutch Intonation, Prosodic Typology: The Phonology of Intonation and Phrasing, Oxford University Press, available at: <http://www.oxfordscholarship.com/view/10.1093/acprof:oso/9780199249633.001.0001/acprof-9780199249633-chapter-5>.
9. *Gussenhoven C.* (2014) Complex intonation near the tonal isogloss in the Netherlands Analysis, Prosodic Typology II: The Phonology of Intonation and Phrasing, Oxford: Oxford University Press.
10. *Pierrehumbert J.* (1980) The Phonology and Phonetics of English Intonation, MIT PhD Dissertation, available at: http://faculty.wcas.northwestern.edu/~jbp/publications/Pierrehumbert_PhD.pdf.

References

1. *Bryzgunova E. A.* (1982) Intonation [Intonatsiya], Russian Grammar [Russkaya grammatika]. Vol. 1, Nauka, Moscow, pp. 98–118.
2. *Cruttenden A.* (1997) Intonation, Cambridge University Press.
3. *Grice M., Baumann S.* (2002) Deutsche Intonation und GToBI, Linguistische Berichte, 191. 267–298.
4. *Grice M., Baumann S., Benzmüller R.* (2005). German Intonation in Autosegmental-Metrical Phonology, Prosodic Typology: The Phonology of Intonation and Phrasing, Oxford University Press, available at: <http://www.coli.uni-saarland.de/publikationen/softcopies/Grice:19xx:GIA.pdf>.

5. *Grice, M., S. Baumann* (2007) *An Introduction to Intonation — Functions and Models, Non-Native Prosody. Phonetic Description and Teaching Practice*, Trouvain J., Gut U. (eds.), Berlin, New York, De Gruyter, pp. 25–51, available at: <http://www.gtobi.uni-koeln.de/lit/grice-baumann-int-func-models-revised-1107.pdf>.
6. *Gussenhoven C.* (2005) *Transcription of Dutch Intonation, Prosodic Typology: The Phonology of Intonation and Phrasing*, Oxford University Press, available at: <http://www.oxfordscholarship.com/view/10.1093/acprof:oso/9780199249633.001.0001/acprof-9780199249633-chapter-5>.
7. *Gussenhoven C.* (2014) *Complex intonation near the tonal isogloss in the Netherlands Analysis, Prosodic Typology II: The Phonology of Intonation and Phrasing*, Oxford: Oxford University Press.
8. *Paljko M. L.* (2008) *Intonation of the German coherent discourse in contrast to the Russian one [Intonatsiya nezavershennosti teksta v nemetskom yazyke v sopostavlenii s russkim]*, *Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Proceedings of the International Conference “Dialog 2008” [Komp’yuternaya Lingvistika i intellektual’nye Tekhnologii: Trudy Mezhdunarodnoy Konferentsii “Dialog 2008”]*, Issue. 7 (14), pp. 416–419, available at: <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2008/materials/html/65.htm>.
9. *Pierrehumbert J.* (1980) *The Phonology and Phonetics of English Intonation*, MIT PhD Dissertation, available at: http://faculty.wcas.northwestern.edu/~jbp/publications/Pierrehumbert_PhD.pdf.
10. *Yanko T.* (2008) *Intonational strategies of the Russian speech from a contrastive perspective [Intonatsionnye strategii russkoj rechi v sopostavitel’nom aspekte]. Yazyki slavyanskih kul’tur*, Moscow.